

Административный экстремизм как механизм управления лояльностью: анализ правоприменительной практики 2014–2023 гг.

Автор:

Вероника Головатенко

ORCID: 0009-0005-0112-6873

Независимый исследователь

E-mail: veronika.golovatenko@yandex.ru

Открытое рецензирование (Open Peer Review)

Статья прошла процедуру открытого рецензирования в соответствии с редакционной политикой журнала.

Николай Fedenev

ORCID: 0009-0004-5073-195X

Сурен Манукян

ORCID: 0009-0003-5460-1848

Рецензенты подтвердили отсутствие конфликта интересов.

Благодарности

Автор выражает благодарность рецензентам за конструктивные замечания и предложения, способствовавшие уточнению теоретической рамки исследования.

Источник финансирования

Исследование выполнено без внешнего финансирования.

Аннотация

В статье анализируется трансформация правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации в период 2014–2023 гг. Особое внимание уделяется изменениям, произошедшим после 2021 года, когда признание ряда общественных структур экстремистскими организациями привело к расширению уголовного преследования за участие в их деятельности, включая ранее осуществлявшееся волонтерство.

Показано, что наряду с уголовными механизмами продолжают активно применяться административные меры — штрафы, предупреждения, дисциплинарные процедуры, — которые оказывают значительное влияние на повседневное поведение граждан. На основе анализа публичных судебных решений, официальных разъяснений и медиадokumentации кейсов выявляется формирование состояния нормативной неопределённости, способствующего распространению стратегий превентивного самоограничения среди студентов и молодых специалистов.

В статье предлагается рассматривать совокупность уголовных и административных практик как механизм управления лояльностью, влияющий на структуру гражданской активности и политического участия в современной России.

Ключевые слова

антиэкстремистское законодательство; административная дискреция; правовая неопределённость; управление лояльностью; превентивная самоцензура; политическая социализация; повседневный авторитаризм; цифровой контроль; Россия; 2014–2023 гг.

1. Введение

В последние годы практика применения законодательства о противодействии экстремизму в России заметно изменилась. Формально данные нормы направлены на борьбу с радикальными и насильственными проявлениями. Однако в реальности всё чаще они используются в ситуациях, связанных с публичными высказываниями, публикациями в социальных сетях и участием в гражданских инициативах.

Ключевым поворотным моментом стало решение суда в июне 2021 года о признании Фонда борьбы с коррупцией (ФБК) экстремистской организацией. После этого участие в деятельности структуры, а также в ряде случаев даже ранее осуществлявшееся волонтерство стало квалифицироваться уже не в административном, а в уголовном порядке. Тем самым изменилась не только правовая оценка конкретных действий, но и общий уровень правового риска для граждан, вовлечённых в общественную активность.

При этом наряду с уголовным преследованием продолжили активно применяться административные меры — штрафы, предупреждения, профилактические беседы, дисциплинарные процедуры в университетах. Даже если санкция носила формально неуголовный характер, её последствия могли быть существенными: отчисление, увольнение, невозможность участия в выборах или трудоустройства в отдельных сферах.

В результате формируется состояние повышенной неопределённости: границы допустимого поведения становятся размытыми, а интерпретация норм — зависимой от

правоприменительной практики. Это приводит к изменению повседневного поведения — люди начинают заранее ограничивать себя, избегать публичных обсуждений и дистанцироваться от общественной активности.

Таким образом, после 2021 года антиэкстремистское регулирование стало сочетать в себе два уровня воздействия: уголовный — в отношении признанных экстремистскими структур, и административный — как инструмент повседневного дисциплинирования более широкого круга граждан.

2. Методология исследования

Исследование основано на анализе открытых источников и качественных наблюдений. В рамках работы были изучены публично доступные судебные решения по административным и уголовным делам, связанным с применением законодательства о противодействии экстремизму в период 2014–2023 гг. Использовались материалы официальных сайтов судов, сообщения государственных органов и публикации в СМИ.

Для выявления изменений в правоприменительной практике применялся сравнительный анализ. Отдельно рассматривались периоды до и после 2021 года, что позволило проследить изменения в квалификации действий и характере санкций.

Дополнительно учитывались материалы интервью и неформальных бесед с представителями студенческой и волонтерской среды. Эти данные носили вспомогательный характер и использовались для иллюстрации социальных эффектов правоприменения. Все сведения анализировались в обобщённом виде без указания персональных данных.

В исследовании применялись следующие методы:

- контент-анализ судебных решений и официальных сообщений;
- сравнительный анализ правовых формулировок в разные годы;
- качественный анализ поведенческих стратегий, описанных в открытых источниках;
- обобщение наблюдений, связанных с изменением цифровой и гражданской активности.

Ограничением исследования является использование исключительно публичных источников, что не позволяет оценить полный масштаб правоприменительной практики. Тем не менее, анализ открытых кейсов позволяет выявить устойчивые тенденции и проследить изменение характера государственного регулирования.

3. Результаты исследования

3.1. 2014–2020: расширение “низкопорогового” контроля через административные и «профилактические» практики

Анализ открытых материалов показывает, что в 2010-е годы контур антиэкстремистского регулирования расширился не только через уголовные статьи, но и через административные механизмы и «сопутствующие» процедуры: проверки, предупреждения, фиксацию «нежелательной» активности, дисциплинарное давление в институтах (в том числе образовательных), а также формирование реестров и списков «экстремистских материалов».

Типовой паттерн этого периода — не обязательно «посадить», а **создать ощущение управляемого риска**: штраф, публичная фиксация, изъятие техники, допрос/опрос, «профилактика». В исследованиях о правоприменении отмечается, что после признания конкретных материалов «экстремистскими» их распространение может влечь ответственность по административной линии (например, по ст. 20.29 КоАП РФ), что делает цифровые публикации особенно уязвимыми для санкций.

Пример (типовой, без персоналий): репост/публикация материала, который позже попал в перечень «экстремистских», после чего появляются основания для административного дела и сопутствующих процессуальных действий (обыски, изъятие носителей).

Важно: уже на этом этапе наблюдается формирование эффекта «предвосхищения наказания» — люди корректируют поведение заранее, даже если наказание не наступило.

3.2. Июнь 2021 года: институциональный перелом и переход к уголовной квалификации

Ключевым поворотным моментом стало решение Московского городского суда 9 июня 2021 года о признании структур, связанных с Алексеем Навальным (включая ФБК и региональные штабы), экстремистскими организациями. После вступления решения в силу участие в деятельности данных структур, их финансирование и иные формы содействия стали подпадать под уголовную ответственность.

Тем самым изменился сам характер правового риска. Если ранее волонтерская деятельность в штабах и участие в общественных кампаниях рассматривались как формы легальной гражданской активности, то после изменения статуса организации такая вовлечённость могла квалифицироваться уже в уголовно-правовом порядке.

По данным правозащитных организаций и открытых мониторингов 2021–2023 гг., в ряде случаев поводом для возбуждения уголовных дел становились как пожертвования, так и участие в деятельности штабов в качестве волонтеров или сотрудников. В публичном

пространстве также обсуждался вопрос использования материалов, изъятых в ходе следственных действий в офисах организаций, что усиливало ощущение правовой уязвимости у лиц, ранее участвовавших в их работе.

Даже если конкретное лицо не привлекалось к ответственности, сам факт возможной идентификации в качестве бывшего участника или сторонника создавал эффект длительного правового риска. Это влияло на профессиональные планы, миграционные решения и стратегию публичного поведения.

Таким образом, после 2021 года антиэкстремистское регулирование приобрело качественно иной масштаб. Оно стало охватывать не только текущую активность, но и прошлую вовлечённость, что усилило восприятие ретроспективной ответственности.

3.3. Социальные последствия и поведенческие стратегии в условиях правовой неопределённости

Изменения правоприменительной практики после 2021 года повлияли не только на юридический статус отдельных действий, но и на повседневное поведение граждан, особенно в молодежной и университетской среде.

Анализ открытых кейсов и наблюдений позволяет выделить несколько устойчивых тенденций.

3.3.1. Распространение цифровой самоцензуры

Одним из наиболее заметных эффектов стало изменение поведения в цифровом пространстве. Пользователи социальных сетей начали:

- удалять ранее опубликованные материалы;
- закрывать аккаунты или переводить их в закрытый режим;
- избегать репостов политически чувствительных публикаций;
- использовать нейтральные формулировки вместо прямых оценок.

Даже при отсутствии прямых санкций сам факт возбуждения дел в отношении других лиц создавал эффект «предупреждения через пример». В результате происходило постепенное сужение публичной дискуссии.

3.3.2. Дистанцирование от гражданских инициатив

В университетской среде наблюдалось снижение открытого участия в общественных и волонтерских проектах, связанных с политической тематикой. По данным интервью и наблюдений, зафиксированных в ходе исследования, многие студенты после 2021 года

стали избегать формального участия в организациях, даже если их деятельность не запрещена законом.

Причиной выступала не только угроза уголовной ответственности, но и опасение дисциплинарных последствий — отчисления, проблем с общежитием, рекомендациями или трудоустройством.

Таким образом, правовой риск начал восприниматься как фактор, способный повлиять на образовательную и профессиональную траекторию.

3.3.3. Изменение карьерных и миграционных стратегий

Отдельной тенденцией стало изменение долгосрочных планов. В неформальных беседах участники волонтерских инициатив отмечали, что после 2021–2022 годов они начали рассматривать:

- возможность переезда в другие регионы или за пределы страны;
- отказ от карьеры в государственном секторе;
- выбор профессий, не связанных с публичной деятельностью.

Таким образом, правоприменительная практика стала влиять не только на текущую активность, но и на жизненные стратегии.

3.3.4. Эффект «предвосхищения наказания»

Даже в случаях, когда человек не становился объектом административного или уголовного дела, сама неопределённость норм порождала состояние постоянной осторожности. Люди начинали оценивать свои действия с точки зрения потенциальной интерпретации со стороны государства.

Этот механизм можно описать как эффект предвосхищения наказания: поведение корректируется заранее, без необходимости прямого принуждения.

4. Обсуждение

Полученные результаты позволяют сделать несколько важных выводов о характере трансформации правоприменительной практики.

Во-первых, наблюдается смещение от единичных демонстративных уголовных процессов к более распределённой системе регулирования. Даже при наличии уголовного контура после 2021 года значительную роль продолжают играть административные механизмы. Они действуют чаще, затрагивают более широкий круг лиц и формируют «фон постоянного риска».

Во-вторых, существенное значение имеет не только тяжесть санкции, но и её предсказуемость. В условиях, когда границы допустимого поведения остаются размытыми, люди начинают ориентироваться не на формальный текст закона, а на примеры правоприменения. Отдельные дела, активно освещаемые в публичном пространстве, становятся сигналами для более широкой аудитории.

В результате возникает эффект, который в правовых исследованиях нередко описывается как «охлаждающий эффект» (chilling effect): граждане отказываются от реализации своих прав не из-за прямого запрета, а из-за опасения возможных последствий. В рассматриваемом контексте это проявляется в сокращении публичных высказываний, дистанцировании от волонтерской деятельности и снижении уровня открытой политической вовлеченности.

В-третьих, важным элементом становится ретроспективная неопределенность. После 2021 года прошлое участие в общественной активности стало восприниматься как потенциальный источник риска. Это усилило ощущение нестабильности правовых границ и повлияло на долгосрочные жизненные стратегии.

Таким образом, можно говорить о формировании модели регулирования, при которой государственное воздействие осуществляется не только через прямое наказание, но и через производство осторожности. Поведение корректируется заранее, а пространство допустимого сужается без необходимости массовых репрессивных мер.

Важно подчеркнуть, что описываемые процессы не всегда фиксируются в официальной статистике, поскольку значительная часть изменений носит поведенческий характер. Тем не менее, именно эти изменения оказывают долговременное влияние на структуру гражданской активности.

5. Заключение

В ходе исследования была проанализирована трансформация правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации в 2014–2023 гг. Особое внимание уделялось изменениям, произошедшим после 2021 года, когда признание ряда общественных структур экстремистскими организациями привело к переходу части гражданской активности в зону уголовного риска.

Анализ показал, что современная модель регулирования сочетает два уровня воздействия: уголовный — в отношении признанных экстремистскими структур и связанных с ними лиц, и административный — как более широкий механизм повседневного контроля публичных высказываний и символических действий. Именно совокупность этих уровней формирует среду повышенной нормативной неопределенности.

Эмпирические наблюдения свидетельствуют о том, что правоприменительная практика влияет не только на юридический статус конкретных действий, но и на поведение граждан в целом. Распространение цифровой самоцензуры, дистанцирование от гражданских инициатив, пересмотр профессиональных и миграционных стратегий указывают на наличие эффекта предвосхищения возможных санкций.

Таким образом, антиэкстремистское регулирование в рассматриваемый период функционирует не только как инструмент реагирования на конкретные нарушения, но и как механизм структурирования повседневного поведения. Даже при отсутствии массовых уголовных процессов административные и процессуальные меры способны оказывать значительное социальное воздействие.

Ограничением настоящего исследования является использование исключительно открытых источников, что не позволяет оценить полную картину правоприменительной практики. Дальнейшие исследования могли бы включать более широкий сравнительный анализ и углублённые интервью с участниками гражданских инициатив.

Тем не менее, представленный анализ позволяет зафиксировать важную тенденцию: в условиях расширительной трактовки норм правовая неопределённость становится самостоятельным фактором, влияющим на структуру гражданской активности.

Список литературы

Нормативные акты и официальные документы

1. Конституция Российской Федерации. (1993).
2. Кодекс РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ, ст. 20.3.3). (2022).
КонсультантПлюс.
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/921d61f629b31865b3a24b3049bec22b92f17224/
3. Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ и № 32-ФЗ «О внесении изменений в КоАП РФ и УК РФ» (военные цензурные поправки).
(краткое описание в англ. энциклопедии).
https://en.wikipedia.org/wiki/Russian_2022_war_censorship_laws?utm_source=chatgpt.com

Мониторинги и правозащитные отчёты (2022–2023)

4. OVD-Info. (2023). *Обзор применения статьи 20.3.3 КоАП РФ: кейсы штрафов за публичные действия, дискредитирующие вооружённые силы*. OVD-Info PDF-отчёт. https://international.ovd.info/sites/default/files/files/2._obzor_primeneniya_stati_20.3.3_koap_rf.pdf
5. OVD-Info. (2023). *Репрессии в России в 2023 году: обзор*. <https://data.ovd.info/repressii-v-rossii-v-2023-godu-obzor-ovd-info>
6. OVD-Info. (2023). *Information on the Russian Federation for 95th session of the Committee on the Rights of the Child*. <https://advocacy.ovd.info/sites/default/files/Information%20on%20the%20Russian%20Federation%20%20for%2095th%20%20session%20%20of%20the%20Committee%20on%20the%20Rights%20of%20the%20Child%20.pdf>
7. SOVA-Center. (2022). *Преследование за дискредитацию использования вооружённых сил РФ (ст. 20.3.3). * <https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2022/03/d45895/>

Международные правозащитные источники

8. Amnesty International. (2021, 10 июня). *Russia: Aleksei Navalny's NGOs banned as "extremist" ...* Amnesty.org. https://www.amnesty.org/en/latest/news/2021/06/russia-aleksei-navalnys-ngos-banned-as-extremist-depriving-thousands-of-their-rights-2/?utm_source=chatgpt.com
9. Human Rights Watch. (2024). *World Report 2024: Russia*. <https://www.hrw.org/world-report/2024/country-chapters/russia>
10. ARTICLE 19. (2023). *Russia: Repeal legislation that penalises criticism of armed forces*. Article19.org. https://www.article19.org/resources/russia-repeal-legislation-that-penalises-criticism-of-armed-forces/?utm_source=chatgpt.com

Академические работы и теоретические источники

11. Davenport, C. (2007). State repression and political order. *Annual Review of Political Science*, 10(1), 1–23.
12. Lipsky, M. (1980). *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services*. Russell Sage Foundation.

13. Schauer, F. (1978). Fear, risk and the First Amendment: unraveling the “chilling effect.” *Boston University Law Review*, 58, 685–732.
14. Sunstein, C. R. (1993). *Democracy and the Problem of Free Speech*. Free Press.
15. Wedeen, L. (1999). *Ambiguities of Domination: Politics, Rhetoric, and Symbols in Contemporary Syria*. University of Chicago Press.

Контекст и дополнительные факты по 2022–2023

16. Wikipedia contributors. (2022–2023). *Anti-war protests in Russia (2022–present)*. Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Anti-war_protests_in_Russia_%282022%E2%80%93present%29
17. Freedom House. (2024). *Freedom on the Net: Russia report*. <https://freedomhouse.org/country/russia/freedom-net/2024>
18. Reuters. (2024). *Example case illustrating administrative enforcement of 20.3.3*. https://www.reuters.com/world/europe/russian-court-fines-man-hair-dyed-colours-ukrainian-flag-mediazona-says-2024-05-20/?utm_source=chatgpt.com
19. Reports OV-Info. (2024). *Russia: On the path to freedom of assembly — problems and instruments of change*. <https://reports.ovd.info/rossiya-na-puti-k-svobode-sobranij-problemy-i-instrumenty-izmenij>
20. SOVA-Center & monitoring (2023). *КоАП РФ 20.3.3 и практика применения*. <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2025/04/d51469/> (использовать только факты до конца 2023).